

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ма Л. Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76982 EDN: BVTXYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76982

Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева

Ma Линь

ORCID: 0009-0004-2090-4880

аспирант; кафедра русского языка и методики его преподавания; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

✉ LinMa2025@yandex.ru

[Статья из рубрики "Риторика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76982

EDN:

BVTXYT

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является риторическая организация философского дискурса Бердяева на материале лексем и лексико-семантических полей, связанных с понятиями прогресса, разложения, «дьявольской морали». В качестве объекта исследования выступают тексты философа (эссе, статьи, автобиографические фрагменты, публичные выступления) конца XIX – первой половины XX в., в которых проявляется проблематика цивилизации, морали и духовного распада. Автор подробно рассматривает вопросы семантической поляризации лексем, механизмов их усиления в рамках риторических контекстов и способов, которыми эти лексические средства производят эмоциональную и оценочную напряжённость текста. Особое внимание уделяется не только самим лексемам как единицам языка, но и их pragматическому функционированию в тексте: тому, как слова вступают в сочетания и контрасты, задают тон рассуждению и формируют образ «негодной цивилизации». Методология исследования опирается на комплексный подход, в котором лексико-семантический

анализ сочетается с дискурсивной, прагматической и стилистической интерпретациями, а также историко-культурным анализом контекстов возникновения трудов Бердяева. Особое место в методологическом наборе занимает анализ метафорических и мифологических образов, через которые у философа осуществляется критика современной цивилизации. Основными выводами исследования являются то, что риторика Бердяева конструирует образ «негодной цивилизации» через системное использование лексем, связанных с прогрессом, разложением и «дьявольской моралью», причём эти лексические поля оказываются не просто описательными средствами, а активными прагматическими инструментами критики. Поляризация семантик (позитивные маркеры прогресса противопоставляются негативным маркерам распада) служит для создания оценочного контраста, усиливающего апокалиптическую тональность рассуждений и переводящего философскую аргументацию в регистр нравственного предостережения. Метафорические и мифологические образы упрочивают эту полярность, придавая абстрактным понятиям «телесную, болезненную и демоническую плоть», что делает критику более наглядной и эмоционально воздействующей. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявляется и теоретически обосновывается механизм семантической поляризации как ключевой стратегии аргументации у философа, обеспечивающей в тексте апокалиптическую нравственно-оценочную интонацию.

Ключевые слова:

риторика негодной цивилизации, философский дискурс, семантическая поляризация лексем, тексты Бердяева, прагматическое функционирование, апокалиптическая нравственно-оценочная интонация, лексемы прогресса, дьявольская мораль, метафорические образы, лексико-семантические поля

I

Николай Александрович Бердяев (1874-1948) – один из наиболее ярких представителей религиозно-философской критики модерна в русской мысли XX века. Его труды сочетают в себе строгую философскую рефлексию и апокалиптическую риторику, в которой модерн и «цивилизация» выступают не просто как объективные исторические явления, но как нравственная и экзистенциальная угроза [2: 10]. Тема «негодной цивилизации» у философа развивается через особенный лексический набор: слова «прогресс», «разложение», «распад», «бесовщина», «дьявольская мораль» и пр. становятся не нейтральными категориями, а оценочными клише, с помощью которых формулируется нравственная диагональ «дух – цивилизация», «творчество – техника», «свобода – рабство» [8, с. 11]. Отсюда актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами:

- во-первых, проблемы, которые формулирует Бердяев – соотношение духа и техники, кризис личности в условиях массовости, дегуманизация общественных институтов – сохраняют свою актуальность в условиях позднего модерна и технократической цивилизации;
- во-вторых, анализ специфики употребления и переосмысления ключевых лексем у Бердяева позволяет отследить механизмы создания оценочной лексики в философской прозе и её роль в развитии общественно-культурных нарративов;

– в-третьих, лексико-стилистические особенности дискурса философа представляют интерес для исследования не только как свидетельство идейно-философской позиции, но и как пример формирования образа «врага» цивилизации [14], что имеет значение для развития концепций культуры XX в.

Отметим, что данные факторы рассматривались многими современными лингвистами и философами (среди них: Н. М. Азарова [11], С. В. Андросенко [2], А. Вадимов [7], Н. В. Козловская [9], Ма Линь [11], А. Ф. Макарова [12], С. Н. Мареев [13], С. Н. Стародубец [15] и др.), однако целый ряд вопросов до сих пор остается открытым: в частности, недостаточно изучены вопросы реализации лексем и лексико-семантических полей таких понятий, как «прогресс», «разложение», «дьявольская мораль» в контексте механизма семантической поляризации как ключевой стратегии аргументации у философа. Все это, в конечном итоге, и определило цель исследования – выявить и описать специфику восприятия риторики «негодной цивилизации» на материале лексем и лексико-семантических полей, связанных с понятиями прогресса, разложения, «дьявольской морали».

II

Анализ трудов Н. А. Бердяева [3-6] позволил выделить (среди ключевых перекрещивающихся лексико-семантических полей) три наиболее значимых для формирования риторики «негодной цивилизации» группы лексем:

1. Лексико-семантическое поле *прогресса*: лексемы, номинирующие развитие, технократический успех, рационализм, цивилизацию. При обычной дескриптивной функции эти слова у Бердяева часто несут и ироническо-критическую нагрузку: «прогресс» как явление, которое внешне предполагает благо, но в конкретном контексте определяет фактор нравственного и духовного искажения, поскольку здесь также воплощается утверждение философа:

«Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо» [6, с. 81].

Прогресс в материальном и организационном плане сопровождается духовной пустотой, рационализм и технократия обрачиваются обезличиванием и утратой свободы личности [5]. Такая ирония достигается благодаря контрасту между общественным стереотипом о прогрессе и конкретной критической интерпретацией автора: знакомые термины сохраняют внешнюю достоверность описания, но обрачиваются обвинением в односторонности и разрушительных последствиях. Подобная критика предполагает и анализ механизмов, через которые технократическое развитие и культ рационального расчёта подтасывают нравственные основания общества. В центре этого анализа оказывается редукция человека до функционального звена: когда ценность личности определяется её полезностью в системе производства и управления, исчезает место для автономного духовного поиска и творческого самовыражения:

«Земной дух человечества, пошедшего по пути змия, загипнотизировал человека заманчивой идеей прогресса и грядущего в конце прогресса земного рая, и так обольщен был человек, что не заметил безумия своего служения прогрессу и своего подчинения счастливцам грядущего рая. Прогресс цветет на кладбище, и вся культура совершенствующегося человечества отравлена трупным ядом» [4, с. 116].

Рационализм превращается в догму, которая выдавливает из общественной жизни вопросы смысла, веры и свободы; культура как совокупность внешних форм рискует превратиться в стандартизованный набор вкусов и обрядов, лишённых глубины. В результате эстетические и материальные достижения цивилизации сосуществуют с утратой внутренней связи человека с высшими духовными ценностями.

2. Лексико-семантическое поле *разложения и распада*: лексемы, обозначающие тление, упадок, дегенерацию, падение нравов и разложение общества. Семантика этих слов насыщается телесными, патологическими коннотациями (*тление, гниль, язва*), что переводит общественные процессы в плоскость болезни и смерти:

«Так и наука: ее сфера есть помещение больницы, мира, заболевшего от греха и подпавшего закону тления, подчинившегося закону необходимости» [4, с. 117].

Такие лексемы, как *тление, упадок, гниль* и пр. не только формирует идею постепенного уничтожения, но и передает ощущение запаха, мякоти, разложения; употребление слов вроде *язвы* и опухоли создает образ агрессивного, инвазивного характера, который действует извне и внутри одновременно. В итоге общественные процессы перестают восприниматься как сложные исторические и экономические явления и начинают читаться сквозь призму болезни и смерти, где присутствует явное разделение на «*здоровое*» и «*вредоносное*», на «*норму*» и «*патологию*». Такой лексический выбор не нейтрален: он формирует эмоциональную реакцию, усиливает отвращение и тревогу, определяет причинно-следственные связи и часто служит ресурсом риторики, оправдывающей радикальные меры по «*лечению*» или «*очищению*». В трудах Бердяева эта метафорика получает отчетливое философско-религиозное звучание: духовная жизнь общества и личности предстает в контексте поля болезни и тления, утраты живой свободы и творческого духа. Он говорит о «*духовной болезни*» модерна, о растлении нравов и «*закостенении*» человека в механистической рациональности; при этом патологические образы – «*смерть духа*», «*тление*», «*распад личности*» – служат не только описательным, но и нормативным инструментом. Такая лексика усиливает апокалиптическую тональность рассуждений и ставит задачу не просто социокультурной критики, но нравственного и духовного исцеления – часто через призыв к возрождению, очищению, восстановлению «*здравой*» духовной формы.

3. Лексико-семантическое поле «*дьявольской морали*»: лексические маркеры демонизации нравов и смыслов – «*дьявольский*», «*сатанинский*», «*бесовщина*», «*ложная мораль*», «*антихрист*» и т. п. Эти лексемы вводят в дискурс мифологический и антропологический план, связывая социально-исторические явления со сверхъестественным злом. Другими словами, такого рода лексемы переносят внимание с причинно-следственных связей на морально-онтологическое измерение: события объясняются не столько экономическими или политическими механизмами, сколько вмешательством злых сил или моральным развращением, что упрощает сложные процессы и делает их доступными для массовой эмоциональной реакции:

«Путь исторического величия и могущества есть путь объективации, путь выбрасывания человека во вне и самопорабощения. Этот путь влечет к царству антихриста, которое есть царство античеловеческое. Подлинное же ... в героическом усилии прорвать порабощающее царство объективации, кончить роковой путь ее и выйти на свободу, к преображеному миру, к миру экзистенциальной субъективности и духовности, то есть подлинности, к царству человечности, которая может быть лишь царством богочеловечности» [3, с. 299].

Внутри этого поля каждая единица несёт свои оттенки смысла и исторические ассоциации, которые усиливают общее демонизирующее воздействие. Одни слова «работают» как интенсивные оценочные маркеры, придающие действию или явлению крайнюю негативную окраску, другие ссылаются на религиозно-эсхатологическую картину, апеллируя к архетипам борьбы добра и зла, третьи обозначают коллективные психические состояния или массовые отклонения от нормы. За счёт таких нюансов лексика не просто называет «плохое», она конструирует образ врага, связывая его с понятиями греха, предательства и конца света, что делает обвинение абсолютным и невозвратно отчуждающим.

В целом вышеупомянутые лексико-семантические поля не существуют независимо друг от друга: между ними осуществляется постоянная семантическая поляризация. То, что в общественно-политическом дискурсе может именоваться «цивилизацией» [15], в тексте у философа предстает как система, утратившая духовную свободу и обратившаяся в самоцель технического и экономического бытия, порождающая внутреннюю пустоту и моральное истощение. Между полями *прогресса, разложения* и «дьявольской морали» устанавливается не механическое сопоставление, а динамическая поляризация: лексемы прогресса теряют нейтральную и позитивную оценку и работают как маркеры ложного благополучия, лексемы разложения реализуются в рамках описания обратного процесса, а категория «дьявольского» придает всему комплексу апокалиптический нравственный пафос. Таким образом, риторика Бердяева опирается на противопоставление духовного и антидуховного, на метафоры болезни, тления и демонизации, на моральные акценты, которые перенастраивают общественные понятия в ключе угрозы для личности и вечных ценностей [11]. В результате языковая стратегия не только обуславливает кризис, но и выполняет нормативную функцию, призываая к переоценке смыслов и к возвращению к тому, что философ видит как подлинную духовную жизненность.

Все вышеприведенное позволяет выделить риторические механизмы и приёмы усиления значения:

- антонимические контрасты и бинарные оппозиции: «развитие – дегенерация», «технический триумф – духовный крах» [4; 6], что формирует аргументацию не просто описательной, но нормативно-оценочной;
- сочетания и коллокации: определённые лексемы вступают в устойчивые комбинации («прогресс в духе», «техническое могущество – моральная пустота», «цивилизация разложения» [6]), что закрепляет тематические связи в тексте и облегчает их прагматическую передачу читателю;
- интенсификация через модальность и экспрессивность: оценочные прилагательные, усилительные частицы, риторические вопросы и восклицательные структуры создают тон тревоги и предостережения;
- метафоризация: социальные явления описываются через метафоры болезни, тления, заражения [3-5] – это придаёт абстрактным проблемам конкретную, чувственно воспринимаемую форму и усиливает эмоциональное воздействие;
- мифологизация: использование образов дьявола, антихриста, бесовских сил ставит происходящее в риторику космической борьбы добра и зла [3], что переводит философскую критику в регистр эсхатологии и нравственной угрозы.

Кроме того, следует выделить такие приемы, как:

- прямое обращение: обращение к «человеку», «духу», «церкви», «миру» персонализирует абстрактные категории и вовлекает адресата в моральную дилемму, стимулируя рефлексию и эмоциональный отклик;
- анафора, эпифора, параллелизм, хиазм: придают высказываниям особую ритмическую структуру и усиливают запоминаемость аргументации; инфинитивные конструкции и эллипсис сокращают мыслительную дистанцию, создавая впечатление непосредственного откровения; восклицательные интонации и риторические вопросы переводят рассуждение в режим проповеди и призыва, усиливая нормативную нагрузку высказывания;
- интертекстуальность и обращение к авторитетам: ссылки на религиозные тексты, классиков духовной традиции, философов и современных ученых усиливают функцию аргументации и позиционируют автора внутри целого интеллектуального корпуса;
- эвфемизация и демонизация: чрезмерно позитивные «социально-полезные термины» подчас обрачиваются эвфемизмами для скрытия нравственного провала («прогресс» как эвфемизм разложения), тогда как демонизирующие метафоры выворачивают наизнанку лицемерие и утрату смысла, и т. д.

Соответственно, лексемы и лексико-семантические поля, связанные с понятиями *прогресса, разложения, «дьявольской морали»* у Бердяева выполняют не только репрезентативную функцию (описание мира), но и pragmaticическую: они формируют читательское восприятие тревоги, определяют моральную позицию автора и образуют стратегию убеждения. Семантическая поляризация служит средством аргументации: так, противопоставляя *прогресс* и *разложение*, автор создаёт причинно-следственные связи – «технический прогресс ведёт к нравственному падению» – и тем самым обосновывает призыв к нравственному пробуждению. Метафорические и мифологические образы играют роль эмотивных триггеров, повышающих доступность и наглядность философских обобщений. При этом выбор риторических приёмов в текстах Бердяева во многом обусловлен историко-культурными условиями: бурный рост науки и техники, кризисы общественных институтов, революционные потрясения – все это послужило фоном для усиления апокалиптической риторики. В контексте духовных исканий начала XX в. такие лексемы и лексико-семантические поля находили резонанс у широкой аудитории, что позволяло философу выступать не только как мыслителю, но и как проповеднику морали и нравственности.

III

Таким образом, риторика Бердяева конструирует образ «негодной цивилизации» посредством системного использования и семантической поляризации трёх ключевых лексико-семантических полей: прогресса, разложения и «дьявольской морали». Эти лексемы в тексте действуют как активные pragmaticальные инструменты: они создают оценочный контраст, усиливают апокалиптическую тональность и превращают философскую аргументацию в нравственное предупреждение. Эти поля не просто повторяются – они переплетаются в тонально-семантической сети, где каждая лексема приобретает дополнительный заряд за счёт окружения и риторической позиции автора. На уровне синтаксиса это проявляется в частом употреблении параллелизмов и инверсий, усиливающих контраст и делая высказывания более афористичными; на

уровне семиотики – в постоянной метафоризации социальных явлений через биологические и демонические образы, что позволяет переводить абстрактную критику в наглядную моральную оценку. Риторика Бердяева склонна смещать соотношение аргументации в сторону апелляции к чувству и авторитету: логическая реконструкция часто подчинена пафосу предостережения, а позиция рассудительности подкрепляется обращением к духовной опыту и библейским мотивам, что создаёт эффект пророческого голоса и усиливает нормативную силу высказывания.

Соответственно, семантическая поляризация как одна из центральных стратегий аргументации у Бердяева обеспечивает переход от аналитического описания общественных процессов к экспрессивному обращению к нравственному самосознанию читателя, что по-новому раскрывает проблему

риторической организации философского дискурса Бердяева (новизна исследования), в том числе в контексте выявления специфики риторики «негодной цивилизации» на материале лексем и лексико-семантических полей, связанных с понятиями прогресса, разложения, «дьявольской морали».

Библиография

1. Азарова, Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в.: монография. – Москва: Логос; Гнозис, 2010. – 250 с. EDN: QVAEDF
2. Андросенко, С. В. Соборность как антропологическая и экклезиологическая категория в трудах Н. А. Бердяева // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2021. – Вып. 40. – С. 9-34. DOI: 10.25803/26587599_2021_40_9 EDN: CBGIKX
3. Бердяев, Н. А. Самопознание: сборник / сост., авт. вступ. ст., с. 3-18, А. А. Ермичев. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 395 с.
4. Бердяев, Н. А. Философия свободы; Смысл творчества / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Л. В. Полякова; Журн. "Вопр. Философии" и др. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.
5. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / вступ. ст., сост., примеч. Р. А. Гальцевой. – Москва: Искусство; Москва: ИЧП "Лига", 1994. – [Т. 1.] – 541 с.; [Т. 2.] – 508 с.
6. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / сост. и послесл. П. В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – Москва: Республика, 1995. – 382 с.
7. Вадимов, А. (А. В. Цветков). Жизнь Бердяева. Россия. – Oakland (Calif.): Berkeley slavic specialties, 1993. – 287 с.
8. Кара-Мурза, А. А. Культура, цивилизация и "новое варварство": историософские прозрения Николая Бердяева // Философский журнал. – 2025. – Т. 17; № 2. – С. 5-20.
9. Козловская, Н. В. Лексемы "Нация" и "Национальность" в философских терминосистемах Н. А. Бердяева и К. Н. Леонтьева // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 104-109. EDN: TWGEEJ
10. Кочетков, Г. С. Гений Бердяева и Церковь // Православная община. – 1998. – № 2. – URL: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1992/no8/article/svjashchennik-georgii-kochetkov-genii-berdjaeva-i-cerkov/-ysclid=mies8th65h797625760> (дата обращения: 25.11.2025).
11. Ма Линь. Компаративный анализ лексических единиц как инструмент исследования культурно-языкового суверенитета в творчестве Н. А. Бердяева // Litera. – 2025. – № 4. – С. 131-143.
12. Макарова, А. Ф. Консерватизм Николая Бердяева: свобода преображения традиции // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2023. – Вып. 47. – С. 69-88. DOI: 10.25803/26587599_2023_47_69 EDN: WOLDLX

13. Мареев, С. Н. Миф о Бердяеве: монография. – Москва: Изд-во СГУ, 2012. – 287 с. EDN: UHVGTVB
14. Райхельт, Ш. Николай Бердяев в Германии 1920–1950. Исследование по истории влияния (Отрывки из книги) // *Coincidentia oppositorum*. От Николая Кузанского к Николаю Бердяеву. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – С. 397-426.
15. Стародубец, С. Н. Идеологизированная лексика как языковое выражение персоналистической картины мира в дискурсе Н. А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орел, 2000. – 20 с. EDN: PNMNQM

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья «Риторика «негодной цивилизации»: лексемы прогресса, разложения и «дьявольской морали» в текстах Н. А. Бердяева» представляется достаточно актуальной, поскольку изучение лексико-стилистических особенностей дискурса Н. А. Бердяева, в частности анализ специфики употребления и переосмыслиения в нем ключевых лексем, не только способствует более глубокому постижению идеально-философской позиции автора, но и позволяет вскрыть в целом «механизмы создания оценочной лексики в философской прозе и её роль в развитии общественно-культурных нарративов».

Выбор объекта изучения обусловлен отсутствием комплексного описания реализации лексем прогресса, разложения и «дьявольской морали» «в контексте механизма семантической поляризации как ключевой стратегии аргументации у философа», с чем, несомненно, связана научная новизна работы. Теоретической основой исследования выступили труды современных лингвистов и философов: Н. М. Азаровой, С. В. Андросенко, А. Вадимова, Н. В. Козловской, Ма Линь, А. Ф. Макаровой, С. Н. Мареева, С. Н. Стародубец.

Структура статьи включает в себя введение, основную часть, заключение и библиографию. Во введении содержится постановка проблемы, развернутое обоснование актуальности исследования, его цель, перечисление ученых, труды которых связаны с тематикой работы. Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевидно использование автором методов с учётом специфики его предмета, объекта и цели. Основная часть посвящена подробному описанию трех наиболее значимых для формирования бердяевской риторики «негодной цивилизации» лексико-семантических полей, заявленных в теме и цели исследования. Автор статьи акцентирует внимание на особенностях их функционирования, в том числе и на уровне синтаксиса, вскрывая риторические механизмы и приёмы усиления значения ключевых лексем. В заключении излагаются выводы, логично вытекающие из содержания основной части. Библиография насчитывает 15 источников, соответствующих специфике изучаемого предмета.

В целом, статья отличается точностью и логикой изложения материала, ее стиль отвечает всем требованиям научного описания. Опечатки, орфографические, синтаксические и речевые ошибки в тексте отсутствуют.

Давая общую оценку работы, можно утверждать, что ее тема раскрыта, сделанные выводы достаточно обоснованы. В качестве замечаний следует указать на скучность описания степени разработанности темы, представленного лишь перечислением ученых,

труды которых связаны с изучаемой проблематикой, а также отсутствие указания на методологию исследования. Кроме этого, необходимо отметить недостаточность иллюстративных примеров при описании некоторых риторических механизмов и приёмов усиления значения ключевых лексем (анафора, эпифора, параллелизм, хиазм и др.).

Однако данные замечания не сказываются серьезным образом на качестве рецензируемого исследования, которое представляет собой завершенную самостоятельную работу, интересную и полезную для широкой аудитории, вследствие чего статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».